

Глава 1. Вазочка

Самым известным и значимым местом в Цзинду, столице Царства Цзинь, по праву считалась Башня Ветра и Луны на Цветочной улице. Всего через два квартала от неё тянулся целый ряд роскошных поместий различных князей и маркизов, так что земля здесь в буквальном смысле стоила баснословных денег.

Изначально Башня Ветра и Луны принадлежала какому-то богатому торговцу, однако поговаривали, что один из принцев выкупил её целиком ради обитавшей там куртизанки.

В последнее время все разговоры в Цзинду крутились вокруг генерала Хо Цунцзина. В Царстве Цзинь чтили воинскую доблесть, и недавно Хо во главе пятитысячного отряда захватил приграничный город Дундэ государства Чжао, а затем углубился на вражескую территорию более чем на тридцать ли. Он лично срубил голову местному правителю, привязал её к седлу и спокойно вернулся обратно, тем самым немало прославив державное величие.

Император был чрезвычайно доволен, и едва Хо Цунцзин вернулся в столицу, как его пожаловали титулом сяньнана Нинчжи и назначили Генералом, подавляющим Восток.

Это был самый настоящий генеральский чин. И хотя титул давал лишь ранга бондая, воинская заслуга — совсем не то же самое, что привилегии, полученные по праву крови или благодаря заслугам предков.

К тому же ходили слухи, что военный бог Царства Цзинь уже усыновил генерала Хо, а значит, будущее молодого человека было поистине беспредельным.

По крайней мере, за тот месяц, что прошёл с возвращения Хо Цунцзина в столицу, немало знатных семейств и княжеских дворцов стремилось выказать ему своё расположение и позвать в гости.

И вот этот самый популярный ныне Генерал, подавляющий Восток, среди бела дня во главе вооружённого отряда ворвался в крупнейший дом терпимости на Цветочной улице. Не обращая внимания на суетящуюся вдогонку старую сводню, которая на все лады голосила: «Господин!», он напрямую взбежал на самый верхний этаж и пинком распахнул хрупкую резную деревянную дверь.

Находившийся внутри человек на кровати испуганно вздрогнул и завопил:

— Кто здесь?!

Заметив разбросанную по полу одежду, Хо Цунцзин сразу понял, что не ошибся дверью, и бросил через плечо приказ:

— Остальных отозвать, будете сторожить снаружи.

Терять время на разговоры Хо не собирался: он схватил парня за шкуру, словно цыплёнка, сдёрнул с кровати и бросил на пол, велел одеваться.

Затем он затворил за собой дверь. С бесстрастным лицом перешагнув через валявшиеся наряды, Хо Цунцзин решительно направился к ложу и произвел:

— Ваша светлость, наследник, я здесь по приказу князя — забрать вас домой.

С самого его входа взгляд мужчины автоматически избегал сидевшую на кровати куртизанку. Впрочем, они ещё ничего не успели сделать: наследник князя Увэя разделся догола сам, тогда как на девушке всё ещё была красная одежда...

— Это я, раб ваш, — усмехнулась куртизанка, лукаво сощутив глаза и заправляя прядь волос за ухо, и уставилась на него прямо с постели.

Ладно бы ты ходил по публичным домам, но ведь прельстился мужчиной?

Наследник князя Увэя, дрожа всем телом, спешно натягивал на себя одежду на полу. Он прекрасно знал, что в глазах отца этот приёмный сын ценился куда выше родного, а потому не смел вымещать злость на Хо Цунцзине. Ощущая на себе леденящий взгляд генерала, он лишь внутренне содрогался, с тоской понимая, что по возвращении домой порки ему точно не миновать.

— Всё ещё не одет? — взгляд Хо Цунцзина вновь обратился на наследника князя Увэя, а в голосе послышался острый, как лезвие, холод.

Наследник князя Увэя бросил на приёмного сына своего отца взгляд, словно на предназначенную для заклания свинью, отчего его прошиб новый озноб. Заикаясь, он выдавил:

— Ге... Генерал, подавляющий Восток...

Приёмный отец Хо Цунцзина, князь Увэй, слыл военным столпом Царства Цзинь, фигурой незыблемой, словно морской утес усмирения волн. На беду, его единственный сын уродился абсолютным ничтожеством: кроме смазливой внешности, у него не было ни ума, ни чести — сплошное разочарование, позорящее славное имя князя.

Но теперь, приглядевшись внимательнее, Хо Цунцзин внезапно понял, что никакой одеждой там и не пахло. На человеке была лишь тончайшая красная вуаль, наброшенная на плечи — та самая легендарная ткань, сквозь пять слоев которой проступала родинка на груди. В таком наряде, что в нём, что без него — никакой разницы.

— Приветствую Генерала, подавляющего Восток, — в этой застывшей, до боли давящей атмосферы комнате раздался незнакомый голос.

Генерал со злостью отдернул полог и нецеремонно уставился на обнажённого наследника:

— Пойдёмте, ваша светлость.

Хо Цунцзин на мгновение остолбенел, а затем медленно перевёл взгляд на того, кто сидел на ложе. В его глазах мелькнуло растерянное недоумение:

— Это ты сейчас говорил?

— О нет, я телом не торгую, — с лукавой улыбкой отозвался юноша, с первого же взгляда уловив ход его мыслей.

Хо Цунцзин поспешно отвёл глаза, хотя сам толком не понимал, зачем это сделал. Впрочем, зарождающееся внутри смутное смятение он тут же обратил в ярость, направленную на наследника князя Увэя.

Хо Цунцзин бросил на юношу ещё один быстрый взгляд — и тут же снова отвернулся.

Поистине молодой мужчина. Вернее... юноша.

Золотистый, белоснежный, слепящий глаза.

Чистый, звонкий голос, свойственный юношам.

Ослепительно красивый, с распущенными волосами, нагой, укутанный лишь в алую вуаль юноша сидел перед ним. На его шее покоился тонкий чёрный шнурок с нанизанным на него золотым самородком размером с ногтей. Наверное, из-за того, что он только что лежал на спине, а теперь приподнялся, этот маленький кусочек золота как раз застрял в ямочке ключицы.

Этот наследник князя Увэя среди бела дня посмел явиться в бордель, да так некстати, что Хо Цунцзиню пришлось лично тащиться в Башню Ветра и Луны для облавы.

Наследник князя Увэя задрожал так сильно, что едва не расплакался. Дома его одевали и обували слуги, разве мог он сам справиться с этими сложными многослойными одеждами столь быстро? К тому же прошло всего пару мгновений, разве кто-то способен одеться вмиг?

— Генерал, подавляющий Восток, неужто вы хотите забрать его светлость прямо сейчас?

— А что? — Хо Цунцзин обернулся, его взгляд скользнул по куртизанке и тут же снова метнулся в сторону.

— Тогда наследник должен возместить серебром стоимость вазочки, которую он разбил ранее.

Юноша опустился на колени прямо на постели и с лёгким поклоном сложил руки. Маленький золотой самородок, болтавшийся на тонком шнурочке, соскользнул из ямочки ключицы и теперь качался перед его грудью.

Хо Цунцзин невольно засмотрелся на него, и в ту же секунду в голове мелькнула совершенно неуместная мысль:

Они ведь... совсем нежные, розоватые...

Словно два бутона малых цветов.

Нет-нет-нет, с какой стати у взрослого парня там всё такое нежно-розовое?!

Погодите! Стоп! Какого чёрта он вообще заикнулся на цвете какого-то мужчины?!

Пытаясь подавить вспыхнувшую неизвестно откуда и непонятно почему ярость, Хо Цунцзин рявкнул:

— Ты тоже немедленно надень одежду!

Юноша, казалось, испугался этого крика. В его лукаво прищуренных глазах блеснула влажная поволока, и он обиженно протянул:

— Разве я не одет?

И ты называешь одеждой вот это?!

Наряд, сквозь который насквозь виден весь твой естественный цвет кожи?!

Лицо Хо Цунцзина почернело. Сорвав с себя верхнее халатообразное одеяние, он бросил его на юношу, наглухо укутав с головы до ног.

Только после этого он бросил взгляд на кучу битого фарфора в углу и поинтересовался:

— Сколько серебра?

— Триста лянов.

Хо Цунцзин с сомнением посмотрел на него:

— Эта вазочка и впрямь такая дорогая?

Не имеющий ни малейшего опыта в подобных делах Генерал действительно ничего не смыслил

в здешних расценках.

Зато он отлично знал, что жалованье простого солдата на передовой составляло всего девятьсот монет в месяц, иногда доходя до одного ляна. У рядового пехотинца выходило и вовсе по шестьсот монет — триста лянов серебра простому воину пришлось бы копить целых тридцать лет!

Обольстительный юноша, закутанный в его верхнее платье, прикусил губу и с улыбкой произвел своим приятным голосом:

— Отвечаю генералу: да, она действительно столько стоит.

Это и впрямь поразило Хо Цунцзина.

Приблизившись, он пристально взгляделся в лицо юноши — каждая черта была безупречна и невероятно хороша, но Хо всё равно никак не мог взять в толк, с чего бы обычной вазе стоять таких денег. Не сдержавшись, он спросил:

— Как тебя зовут?

— Моё ничтожное имя — Лю Чи.

Хо Цунцзин кивнул. Заметив боковым зрением, что наследник князя Увэя наконец-то облачился в одежды, он бросил:

— Позже я пришлю людей выплатить долг.

Башня Ветра и Луны принадлежала двенадцатому принцу, и ссориться с императорской семьёй из-за этого никчёмного дурака не стоило.

Ухватив за воротник потерявшего всякий вид наследника, он направился к выходу. К счастью, столичная мода предписывала носить одежду в три слоя, один поверх другого, так что отсутствие верхнего халата ни на что не влияло.

Генерал со своей свитой спустился по лестнице Башни Ветра и Луны. Чёткий ритм шагов казался способен стряхнуть даже въевшийся в эти стены запах пудры и румян, отчего воздух вокруг мгновенно наполнился суровой, зловещей прохладой.

Лю Чи опустил взгляд на накинутый на плечи халат и медленно провёл пальцами по вышитому на ткани узору.

Когда звуки шагов на улице стихли, Лю Чи распахнул окно и выглянул наружу. Как и ожидалось, Хо Цунцзин со своими людьми уже появился у главного входа.

Оперевшись подбородком о раму, юноша со странным, оценивающим выражением в глазах проводил взглядом удаляющуюся фигуру Генерала.

Словно почувствовав это, Хо Цунцзин поднял голову и увидел в окне белевщую полосу обнажённой руки. Тот самый парень по имени Лю Чи, закутанный в его халат, оперевшись подбородком о подоконник, смотрел прямо на него.

Поскольку теперь верхняя одежда не была запахнута столь плотно, обладавшему прекрасным зрением Хо Цунцзиню вновь открылся вид на красную вуаль и висевший на шее золотой самородок.

Генерал недовольно зámер и сурово зыркнул на него. Надел на себя такую бесстыдную вещь и теперь выставляет напоказ первому встречному?!

Юноша с совершенно невинным и обиженным видом моргнул в ответ на этот гневный взгляд, но всё же послушно закрыл створки, прячась обратно в комнату.

Наследник князя Увэя ничего не заметил. Всю дорогу его занимали мысли о том, что сегодняшний день мало того что влетел в копеечку в триста лянов, так ещё и не принёс никакого удовольствия, не говоря уже о чудовищном позоре. Дома его ждали неминуемая порка и долгое заточение.

Слух о том, что Генерал, подавляющий Восток, среди бела дня ворвался с отрядом в Башню Ветра и Луны, к вечеру облетел всю столичную знать. Бедняга наследник вновь стал поводом для пересудов о том, как от великих родителей рождаются ничтожные дети, и его сомнительная репутация дурака вновь прогремела на весь Цзинду.

С наступлением ночи столица погрузилась в сон, и лишь улица с Башней Ветра и Луны шумно и ярко ожила в темноте.

Лю Чи сидел за столом в белых одеждах, его распущенные волосы были аккуратно собраны. Вокруг ярко горели все светильники, заливая комнату ровным светом. Юноша просматривал какие-то записки, делал на них пометки, а затем одну за другой бросал прочитанные бумажки в жаровня.

Окно было распахнуто настежь, и вдруг из шумной многолюдной улицы донёсся общий испуганный возглас, поверх которого пронзительно зазвенел голос старой сводни:

— Приветствуем двенадцатого господина!

Лю Чи отложил кисть.

Вскоре дверь, которую днём выбил генерал Хо, снова распахнулась — на сей раз с лёгкой руки двенадцатого принца.

— Лю Чи! — тяжело дыша, принц с порога принялся озабоченно осматривать его. — Слышал, сегодня здесь объявился Хо Цунцзин! Он ничего тебе не сделал?

— Ничего, — Лю Чи поднялся, раскинул руки и сделал перед ним лёгкий круг. — Он же не бешенный пёс, чтобы бросаться на каждого встречного. К тому же он меня и пальцем не тронул.

Правда, был невероятно свиреп, гаркнул на него и даже зыркнул с укоризной — мысленно добавил про себя Лю Чи.

— Он даже дверь выломал, — двенадцатый принц плюхнулся на стул. — Мне донесли, что он поволок наследника князя Увэя за шкуру, словно цыплёнка... Я уж думал...

Наконец отдышавшись, он склонил голову набок и виновато пояснил:

— Я ведь хотел навестить тебя ещё днём, но во дворце внезапно скончался ещё один из моих младших братьев, никак не удавалось вырваться.

Лю Чи равнодушно кивнул, ничуть не заботясь о судьбе почивших принцев. Опустившись на стул напротив двенадцатого, он рассеянно принялся теребить висевший на шее золотой самородок и тихо проговорил:

— Двенадцатый, мне кажется...

— Что такое? — уставился на него принц.

— Кажется, Хо Цунцзин любит мужчин.

<http://bllate.org/book/21314/2162806>